

И САМИ, КАК ЖИВЫЕ КАМНИ, УСТРОЯЙТЕ ИЗ СЕБЯ ДОМ ДУХОВНЫЙ

К СВОБОДЕ ПРИЗВАНЫ ВЫ, БРАТЬЯ

13-15 февраля в Подмоскowie прошла традиционная VII Сретенская встреча сотрудников, преподавателей, студентов Свято-Филаретовского института, а также членов Преображенского содружества малых православных братств

Темой ее стала строка из Послания к Галатам: «К свободе призваны вы, братья, только бы свобода ваша не была поводом к угождению плоти...» Участники встречи с радостью восприняли обращенные к ним теплые слова и архипастырское благословение на их труды митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия.

Открывая встречу, председатель Содружества, доцент Тверского государственного университета, кандидат физико-математических наук В.Н. Рыжиков подвел итоги прошедшего после летней Преображенской встречи Содружества полугодия. Одним из таких итогов стала возможность в законном порядке отстоять помещения поддерживаемого Содружеством Свято-Филаретовского института.

(Продолжение на с. 4)

ВАША СИЛА – ОБЩЕНИЕ МЕЖДУ ВАМИ

Интервью гостей Сретенской встречи Преображенского содружества — члена исполкома Синдесмоса Кирилла Соллогуба и его жены Татьяны

Кифа: Вы впервые приехали на Сретенскую встречу Преображенского содружества. Не могли бы Вы поделиться своими впечатлениями?

Кирилл Соллогуб: У меня очень хорошие впечатления. Особенно поразило то, что есть жажда общаться, жажда больше изучать и выучиться. И еще — поразило дух жертвования, то, чего у нас очень не хватает сейчас на Западе. Очень сильно чувствуешь, что те люди, которые тут, готовы пожертвовать все свое время на жизнь братств и на служение Церкви. На Западе люди не настолько к этому готовы, у них свои занятия, свой комфорт.

Кифа: Но есть же добровольцы? Когда бываешь на Западе, всегда находят люди, которые в свой отпуск что-то делают.

Татьяна Соллогуб: Это больше связано с личным развитием, с тем, чтобы себя реализовать.

Кирилл Соллогуб: Это более индивидуальные мотивы.

Татьяна Соллогуб: Я удивлена тем, что все так мирно проходит. Тысяча людей собирается и никто никого не толкает, не ругает. Дискуссии не превращаются в споры. Люди рассказывают о себе, о своем опыте, но нет споров. Это меня поразило. Может быть, я мало увидела. Люди не стараются кого-то переубедить.

Кифа: Т.е. продвинуть свое?

Татьяна Соллогуб: Да. Такого я не почувствовала, а на Западе чувствую часто.

Кирилл Соллогуб: Это в какой-то степени жалко.

Кифа: А что вы можете сказать о литургическом служении?

Кирилл Соллогуб: Чувствуется, что это центральный момент всего собора. Конечно, литургия была очень сильная.

Кифа: Не слишком много проповедей?

Кирилл Соллогуб (смеется): Нет. Мне это напоминает наши службы на съездах. Но у нас епископы служат. Не столько же проповедей, но в таком же духе.

Кифа: Надеюсь, что со временем и у нас будут епископы служить.

Кирилл Соллогуб: Мы тоже этого вам желаем.

Кифа: Мы были очень тронуты вашим пением на французском. Это многих вдохновило и многим понравилось. Мы тоже стараемся по мере возможности сделать так, чтобы люди разных национальностей, разных культур могли помолиться на своем языке. Еще когда о. Георгий служил на приходе, Трисвятое обязательно читалось на вечерне на каком-нибудь языке, живой

носитель которого был на богослужении (у нас часто бывали гости из разных стран или других языковых культур). Писание и песнопения тоже могли быть на разных языках. Я знаю, что что-то подобное, и даже значительно шире представленное, происходит на Западноевропейских православных конгрессах.

Может быть, Вы хотите пожелать что-нибудь участникам собора, членам нашего движения?

Кирилл Соллогуб: Думаю, надо продолжать постепенно и смиренно идти по этому пути. Смирение, и надежда, и любовь у вас есть. И, конечно, ваша сила — общение между вами. Я убежден, что это послужит возрождению русской церкви.

Беседовал Александр Буров

Слева направо: Татьяна и Кирилл Соллогубы, секретарь Преображенского содружества Екатерина Алексеева

3 (41)

ИЗДАНИЕ
ПРЕОБРАЖЕННОГО
СОДРУЖЕСТВА
БРАТСТВ

ФЕВРАЛЬ 2006

в газете использованы
материалы сайта www.sfi.ru

в номере:

Готова ли церковь утолить духовный голод современных людей?

Интервью с духовником Хельсинской епархии протоиереем Тимо Леhmускоски
С. 2

Благовестие о свободе — это благовестие о Кресте и Воскресении

В этом номере мы публикуем доклады преподавателей СФИ — зав. кафедрой Священного Писания Л.Ю. Мусиной

(с. 4-5)

и зав. кафедрой догматики Д.М. Гззяна

(с. 6)

— прочитанные на Сретенской встрече Преображенского содружества

Это было прекрасное сердце

Скончался архимандрит Иоанн (Крестьянкин)

С. 7

Светские ученые все чаще говорят по-настоящему церковно

Подолжаем публиковать впечатления участников Рождественских чтений 2006 г.

С. 8

В миссионерском приложении «Открытая встреча» — ответы на вопросы

ГОТОВА ЛИ ЦЕРКОВЬ УТОЛИТЬ ДУХОВНЫЙ ГОЛОД СОВРЕМЕННЫХ ЛЮДЕЙ?

Интервью с духовником Хельсинской епархии протоиереем Тимо Лехмускоски

Кифа: Расскажите, пожалуйста, немного о себе.

Прот. Тимо Лехмускоски: Я родился в Хельсинки в секуляризованной буржуазной семье. Я был крещен в лютеранской церкви (хотя моя семья была секулярная, но по корням — лютеранская). Моя мать немка, от нее я получил сильную антифашистскую закуску. Со стороны бабушки у меня есть немного иудейской, еврейской крови. По языку я финский швед. Здесь есть меньшинство шведов, я из них. Вера для меня ничего не значила до 16-17 лет, когда вдруг в школе появился к ней интерес. Меня привлекала как католическая, так и православная церковь. В то время, когда я был молодым, в Хельсинки действовала очень активная группа молодых православных. И хотя в то время православная церковь была очень закрыта и не хотела обращенных, эта группа была открыта. Ее вел Кирилл Борисович Глушков, он и сейчас жив. Уже тогда в Финляндии в школе был обязательный предмет — вероисповедание. Я ходил, конечно, на лютеранские уроки. А когда мне было 16-17, я сказал своему учителю, что мне неинтересно лютеранство, а интереснее древнее христианство. Учитель ответил: если тебя интересует христианство, иди и изучай богословие. Он сказал мне просто о богословии, не уточняя, что имеет в виду — лютеранское, католическое или православное богословие. И я поступил в Хельсинский университет, там есть очень большое лютеранское богословское отделение. В те годы я познакомился с молодой девушкой, которую, как и меня, привлекало православие.

Процесс перехода из лютеранской церкви в православную обычно занимает некоторое время, здесь имеют значение в т.ч. и регистрационные моменты. У нас этот период длился 4-5 лет, причем у меня больше, чем у жены. Когда мы определились, нас не крестили заново, а приняли в православную церковь через миропомазание. К тому времени я уже закончил университет, был магистром богословия.

Кифа: Вы говорите, что пришли в православие из лютеранства. Что значит православие для людей разных конфессий в Финляндии?

О. Тимо: Когда мы пришли в православную церковь, ситуация была такой, что люди в основном переходили из православия в лютеранство, а не наоборот. Обычно это было связано с государственно-политическими причинами. Тогда была боязнь, даже ненависть к русским. Здесь русских называют венелайнен, а если с пренебрежением — руссо. Мой отец был финским националистом, считал, что финны должны быть только лютеранами, а православие — для руссо. В те годы 3-4 человека в год переходили из лютеранства в православие, а сейчас — 300-400 человек в год. Но причины этих изменений нужно искать раньше. Отношение изменилось еще в 60-70-е гг. с приходом президента Кекконена. Он стал налаживать отношения между Россией и Финляндией. Православие стало восприниматься иначе, изменилось отношение к России, к русской культуре. Тогда Финскую церковь возглавляли архиеп. Павел и еп. Иоанн. Тогда еще жил и действовал замечательный финский писатель Тит Коллиандер. У него много художественных произведений, но есть и православные размышления.

Еще людей привлекали такие стороны православной жизни, как духовная музыка, икона. Когда я входил в церковь, икону считали идолопоклонством, а сейчас уже у лютеранских священников и во многих лютеранских церквях есть иконы. Конечно, до конца понимания и правильного отношения к иконе нет, но факт такой есть.

В лютеранской церкви все немного разбросано. Люди ищут основ и не находят. Они устали от этого. Лютеранство здесь во всем государстве. Даже Евангелие «государственное», что ли, оно стало лозунговым. А люди ищут духовной глубины. Этот духовный голод и сейчас есть у людей, все зависит от того, насколько церковь готова отвечать на него. Ведь и православие можно понять очень поверхностно. О таком понимании православия говорит пример из жизни. Когда я преподавал в школе, ко мне в первый класс мама привела мальчика. Мама сказала: его надо научить хорошо о православии, только не говорите ему ни о Боге, ни о Христе, потому что я неверующая. (Она усыновила ребенка, крещенного в православной церкви). Но я говорил ему и о Боге, и о Христе, как мог. Позже, когда я уже не преподавал у него, я его видел на литургии.

Вся литургическая жизнь православной церкви привлекает для лютеран. Правда, для них является преткновением наше отношение к реалистичному и мистичному. Это для них сложно. Сейчас в лютеранской церкви тоже происходит евхаристическое возрождение, идет такой поиск, когда люди готовы все время что-то менять. Например, послужили евхаристию — что-то не то, давайте что-то поменяем. И есть люди, на которых эти постоянные изменения уже давят. Есть те, которые готовы постоянно что-то менять, а есть те, кому это тяжело. И они хотят найти основание веры.

Мне трудно об этом говорить, но нужно сказать, что некоторые потомственные православные настроены против обращения лютеран в православие. Есть некоторая закрытость даже у священников. В словах

«прозелит», «обращенный» есть негативная нотка.

Кифа: Может быть, обращенные что-то свое привносят в церковную жизнь?

О. Тимо: Здесь можно даже говорить о человеческой психологии. Обращенные часто приходят в православие с глубокими знаниями, которых уже, может быть, не хватает потомственным православным, и это может вызывать некоторый комплекс неполноценности. А обращенным, с этим багажом знаний, с другой стороны, не хватает какого-то смирения. Часто священники из обращенных активнее. И это тоже немного беспокоит менее активных священников. Кроме того, в Финляндии разные коренные православные. Когда мы пришли в православие, в приходе были православные с карельскими корнями — местные православные, и были русские православные — эмигранты. Удивительно, что нас более открыто приняли русские православные, а несколько дистанционно — финны. Может быть, это связано с тем, что русские были меньшинством среди финнов. Был один православный, который считал, что нельзя принимать в церковь людей, которые не знали гонений на церковь в 30-е годы. А ведь это уже были 60-70-е. Конечно, эти гонения нельзя сравнить с теми, что были в России в это же время. Но все же у православных в Финляндии были трудности — и в 20-е, и в 30-е, вплоть до 50-х гг. Несмотря на то, что карельские православные сами были против обращенцев, которые якобы что-то привносят из лютеранства, но в те трудные времена многие из них отказывались от всех православных традиций, крестили детей в лютеранстве, меняли фамилии с карельских на финские.

Кифа: А кто знал православных?

О. Тимо: Гонения связаны с тем, что Финляндия — достаточно молодое государство. Полную независимость она получила только в 1917 году. До этого у нас был известный национальный философ Снеллман. Он писал: одна нация, один язык, одна вера. Хотелось именно такой целостности в новом государстве. А всякое меньшинство разбивало целостность страны. Это относилось не только к православным, но и к католикам. Второй момент — желание дистанцироваться от всякой русскости, а православие всегда связывалось с Россией: лютеранская церковь — финская, а православная церковь — это церковь другой страны. И хотя по закону православная церковь находилась на таком же положении, что и лютеранская, но на практике отношение к православной церкви всегда было не очень хорошее. Так что в 20-е годы синод даже принял специальное решение: священнослужителям не отращивать бороды и не носить подрясники на улицах, потому что могли и плевать, камнями кидали — такой был национализм. Сейчас ситуация совершенно изменилась, все нормально. Времена другие.

Кифа: А с чем сейчас можно связать изменение ситуации в отношении национальных меньшинств? Это изменения в государственной политике или что-то еще?

О. Тимо: Процесс улучшения начался в 60-е годы. В Финляндии всегда были левые силы, т.н. «красные». В 60-х годах эти радикалы вышли в своей деятельности на государственный уровень. С этого времени Финляндия стала более открыта плюрализму, прекратила линию закрытости, стала более открытой к новым веяниям. Это продолжалось и позже, и в 80-е годы. Можно даже сказать, что сейчас ситуация несколько ухудшилась по сравнению с тем, что было двадцать лет назад. Сейчас есть место и некоторому милитаризму, национализму.

Кифа: Как в наше секулярное время люди могут осуществлять свою духовную жизнь, особенно в больших городах?

О. Тимо: Это действительно очень трудно. Наверное, центр среди всего этого хаоса и неуспокоенности — богослужение. Человек приходит в храм, до этого готовится к евхаристии — это такой островок в современной жизни. И второе — личная молитва дома. За нее надо бороться, она помогает. Важно найти исповедника, священника, хотя мы, священники, сами не всегда понимаем ситуацию, в которой люди живут и в которой им действительно трудно. Очень важно найти друга, может быть, мирянина, с которым может быть общее духовное общение. И конечно, помогает духовная литература, именно свежая, современная. В списке литературы, рекомендуемой оглашаемым, я видел духовно-художественные произведения. Это очень хорошо, потому что часто православные замыкаются только на духовную литературу, что не очень хорошо. У нас есть сестра Христогула, она сейчас в женском монастыре в Линтуле. Она финка, но долго жила в Греции и рассказывала об одном известном греческом исповеднике. Когда к нему приезжают из мира и спрашивают: «Что Вы посоветуете почитать?», он достает из кармана книгу Чарльза Диккенса «Оливер Твист» и говорит: «Начни с этого», потому что важно начать со здоровой духовной атмосферы, а потом можно будет читать и другое. Устроение своей духовной жизни всегда трудно, это путь аскетики, борьбы.

Кифа: Каково место литургического возрождения в жизни Финской церкви? Есть ли на этом пути какие-то проблемы?

О. Тимо: В связи с пониманием важности частого причастия и несвязанности исповеди и причастия в Финляндии пришли к тому, что, например, в Успенском соборе в Хельсинки каждое воскресенье причащаются 300 человек, а на исповедь ходит малая часть. Тут вообще нет понятия исповеди перед каждым причастием. Я могу понять, что Россия — большая страна и, наверное, без общей исповеди там не обойтись. Но все же когда человек просто приходит, становится на колени, называет свое имя и все, здесь есть что-то не то. Для Финляндии это удивительно, потому что здесь есть возможность подробно исповедоваться. Можно даже договариваться со священником на определенное время и говорить с ним 15 минут, 45 минут, и в любом случае — глубже, чем просто называть свое имя. Пусть это будет 4-5 раз в год, важно, чтобы это было.

Я много раз протестовал против практики общей исповеди. Потому что представьте: на исповеди 5 священников и 30 мирян. Зачем в такой ситуации общая исповедь? Можно нормально исповедоваться. К чему же мы приходим? К тому, к чему лютеране пришли 500 лет назад, когда они отказались от всего?

Есть еще одна проблема: когда в 70-х годах людям дали возможность свободно причащаться без обязательной исповеди перед каждым причастием, им говорили: не договаривайтесь со священником о регулярной исповеди. Однако эту вторую часть забыли. И священники не напоминают об этом ни в проповедях, нигде. Это уходит из сознания людей. И некоторые не исповедуются никогда.

Наталья Иозенас: А для молодых людей, которые только начинают исповедоваться, или в школах семилетним детям ничего не говорят об исповеди?

Отец Тимо: В семьях все меньше и меньше знают об исповеди. Часты смешанные браки лютеран с православными. И это тоже «разжижает» духовную атмосферу. В школе все зависит от учителя, но в целом из практики ушло то, что дети должны исповедоваться с семи лет. Хотя есть некоторые учителя, которые могут даже священника пригласить в школу, чтобы исповедовать. В Финляндии вывоз детей на литургию раз в полгода входит в школьную программу. И если раньше, когда школьники приезжали, служили два священника — один предстоял на литургии, а второй исповедовал, то сейчас обычно служит только один священник, предстоятель. Так и со взрослыми. Если раньше я исповедовал после вечернего богослужения до десяти вечера, то сейчас практически никого нет, даже в пост. Правда, есть молодежные православные лагеря. У лютеран в таких лагерях обычно проходят конфирмацию. У православных конфирмации нет, но там подростки исповедуются — обычно первый и последний раз в жизни. Но хорошая сторона здесь в том, что они хотя бы знают, что исповедь существует. По моему мнению, то, что понятие исповеди уходит, — одна из проблем Финской православной церкви сейчас. Важно равновесие. Литургическое возрождение пошло вперед, а об этом забыли.

Кифа: Да, свобода всегда связана с ответственностью.

Беседовала Анна Лепехина
Перевод с финского Александры Скопец

УЧАСТНИКИ РОЖДЕСТВЕНСКИХ ЧТЕНИЙ ОБСУДИЛИ НОВУЮ КОНЦЕПЦИЮ МИССИОНЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РПЦ

Обсуждению новой концепции миссионерской деятельности Русской православной церкви было посвящено заседание секции «О церковно-общественном диалоге в современной России», которое состоялось 2 февраля в рамках XIV Рождественских образовательных чтений в конференц-зале Московского Политехнического музея. Работу секции возглавил председатель Миссионерского отдела РПЦ архиепископ Белгородский и Старооскольский Иоанн (Попов); в заседании принял участие епископ Полтавский и Кременчугский Филипп (Осадченко), председатель Миссионерского отдела УПЦ МП.

Концепцию миссионерской деятельности РПЦ представил архиепископ Иоанн. Он отметил, что документ является продолжением прежней концепции, принятой в 1995 г., но за десять лет многое изменилось, и новый текст «отвечает на вызовы современного общества». Концепция была разослана по епархиям РПЦ, получила 65 заинтересованных архиерейских отзывов и с учетом их была скорректирована и дополнена. Авторы надеются, что концепция будет утверждена Священным Синодом весной этого года; далее планируется провести очередной Миссионерский съезд РПЦ, на котором будет обсуждаться практическая реализация концепции. Съезд на этот раз пройдет на Дальнем Востоке.

Подробно комментируя разделы документа, архиепископ Иоанн обратил внимание на введение новой терминологии. Так, раскрываются понятия «миссионерская ответственность», «свидетельство», «оглашение», «предложение» и другие. Первые четко разграничиваются миссионерство и прозелитизм и дается определение последнего как «обращение из одного вероисповедания в другое с использованием методов и средств, противоречащих принципам, духу христианской любви и свободы личности». В раскрытии понятия «миссия» появляются новые нюансы: так, в концепции говорится о «миссии примирения» — это, по словам архиерея, «новая задача Церкви в условиях, когда гражданская война в России в XX в. закончилась, но она продолжается в умах и внутри каждого человека». В осуществлении «миссии примирения» поможет «диалог жизни» — общее участие людей разных вероисповеданий в социальных проектах и общественной деятельности.

Впервые в концепции подробно говорится об образе миссионера и его качествах (вводится даже такое понятие,

как «миссионерская приветливость»); отмечается, что современным миссионарам приходится искать нестандартные решения почти во всех сферах церковной жизни. Еще одной новацией является раздел, раскрывающий миссионерское служение мирян, в котором особо выделена роль женщин в православном свидетельстве. Большое значение глава Миссионерского отдела придает такому понятию, как «миссионерский приход»: «Из как бы «традиционного», где люди могут годами не знать имен друг друга..., он обязан постепенно превращаться в место встречи... ищущих истину его членов, где торжествует дух общения в любви», сказано в документе. Архиепископ Иоанн подчеркнул, что в деятельности такого прихода свидетельство о Христе должно стать приоритетом.

Особую значимость имеет раздел о миссионерском богослужении. «Речь не идет о реформации», — сразу ответил возможным оппонентам архиерей. Он указал на непросвещенность современных верующих, на непонимание богослужения и, отсюда, — угрозу обрядоверия, «суррогатного понимания богослужения». Это приводит к преобладанию в сознании прихожан эсхатологических ожиданий, к появлению таких феноменов, как «богословие ИНН». Чтобы раскрыть смысл богослужения, предлагается в особые миссионерские службы внести элементы катехизации: некоторые комментарии по ходу литургии; чтение Писания на русском (или другом) языке, лицом к молящимся; гласное чтение евангельских молитв и т.д. Каждое такое предложение подробно обосновывается в концепции, а в своей речи на заседании архиепископ Иоанн также подчеркнул, что «ничего не придумано, а взято из опыта миссионерских экспедиций» в самых разных регионах России.

Говоря о перспективах миссионерского служения, выступавший обратил внимание на то, что концепция предлагает отказаться (в плане миссии) от определения «каноническая территория Церкви» — это не раз «приводило к трагическим последствиям, как, например, в Абхазии». Более продуктивно говорить о «территории пастырской ответственности», а это — «души людей, живущих на пространстве, где осуществляет пастырское окормление наша Церковь».

«Многие пункты этой концепции мы у себя уже ввели», — засвидетельствовал представитель Абхазии, ректор Новоафонского духовного училища, настоятель монастыря св.Иоанна Златоуста в Комнах иеромонах Дорофей (Дбар). Он полагает, что эти «новшества» принес-

ли огромные плоды и можно говорить о большом успехе христианизации в Абхазии: так, более 80 % ее населения считают себя православными христианами; сам он окрестил за последние годы более 6 тыс. человек. Новое поколение священнослужителей в Абхазии — это этнические абхазы, «выходцы из народа», ученые выпускники Московских духовных школ. Они читают Писание на абхазском языке, лицом к народу, читают вслух евангельские молитвы, объясняют смысл богослужения. Эффективность таких методов в деле христианской миссии очевидна для докладчика, но все это было воспринято «агрессивно и тревожно в среде нашего старшего духовенства и бабушек». Возрождению православия в Абхазии способствует также воссоздание почитания абхазских святых; «очень действенным» христианским свидетельством о. Дорофей считает отмену платы за таинства и требы. Докладчик отметил, что абхазский опыт готов применять православные адыги, карачаевцы, черкесы, кабардинцы, однако «наши успехи могли бы быть в 10 раз больше, если бы не канонический вопрос, если бы на нашу территорию пускали Русскую православную церковь», констатировал он.

О проблемах христианской миссии на Украине рассказал в своем докладе епископ Полтавский и Кременчугский Филипп. Различные аспекты миссионерского служения отразили в своих докладах другие участники обсуждения. Так, историк и этнограф, специалист по традиционной русской культуре Марина Громыко разработала проект миссионерской деятельности мирян, который предполагает создание учебного института миссионерского дела, текстового аналитического центра, антирекламного комитета, организацию православных земледельческих общин, клубов «Православная семья» и других — по возрастам и интересам, устройство православных ярмарок и многое другое. Протоиерей Сергей Попов поднял в своем докладе практические вопросы миссионерской работы, обобщая многолетний опыт свидетельства в разных регионах и в разной среде. Особое внимание было уделено вопросам миссии среди молодежи. Священник из Белгородской епархии Олег Лекарев и создатель молодежных миссионерских фильмов Василий Яцкин поднимали проблему использования рока и других музыкальных направлений для проповеди в подростковой среде.

По материалам информационного агентства «Благовест-инфо»

НИКИТЕ АЛЕКСЕЕВИЧУ СТРУВЕ - 75 ЛЕТ

Н.А. Струве с членами Преображенского братства. Москва, Новодевичий монастырь

Известному деятелю русского зарубежья Никите Струве 16 февраля исполнилось 75 лет.

Н.А. Струве представляет третье поколение первой русской эмиграции, начало которой положил его дед Петр Струве — лидер кадетской партии и непримиримый оппонент Ленина.

Струве посчастливилось видеть о. Сергия Булгакова и Николая Бердяева, Ивана Шмелева и Марину Цветаеву. Значительную часть рукописей, писем и автографов лучших представителей русской эмиграции Струве передал в 1995 году в Москву в Библиотеку-фонд «Русское зарубежье», учреждением которой он стал вместе с Русским Общественным фондом Александра Солженицына и правительством Москвы.

Впервые Струве приехал на родину предков в 1990 году с коллекцией книг и журналов (40 тысяч экземпляров), на основе которой в библиотеке Иностранной литературы состоялась выставка «тамиздатовской» литературы, в числе которой были произведения Солженицына и труды религиозных философов. Позже в Москве было открыто издательство «Русский путь», которое продолжило традиции ИМКА-Пресс.

Н.А. Струве уже побывал во многих российских городах, где читает лекции в вузах, библиотеках, встречается с духовенством (об одной из таких поездок — в г. Томск — наша газета рассказывала в 2004 г.)

В 1999 г. Н.А. Струве стал лауреатом Государственной премии России

Свято-Филаретовский институт и Преображенское содружество малых братств направили Никите Алексеевичу поздравительное письмо:

«Дорогой Никита Алексеевич, примите самые сердечные поздравления с Вашим юбилеем!

Только что закончился 7-й Сретенский собор нашего движения, во время которого мы, конечно, не могли не вспомнить Вас — человека, для которого Божий дар движения стал личным призванием и в ком мы видим образец христианской открытости и общения во Святом Духе. Ваше присутствие всегда заставляет думать, внутренне подтягиваться, побуждает идти вглубь и ввысь. За Вами стоит реальный вклад в дело духовного возрождения России. Для нас Вы служите образцом человека, который одновременно способен действовать смиренно и дерзновенно, примером того, кто несет тяжелый груз постоянной работы — а с другой стороны, кто никогда не ставит себя над другими людьми и их служением.

Желаем Вам долгоденствия и милости Божьей. Желаем Вам продолжать служить примером того, как следование церковным догматам и канонам может не противоречить жизни по совести и по правде. Желаем, чтобы Ваша прекрасная христианская семья продолжала свидетельствовать этим своим даром в наш век, когда семья вообще находится в глубочайшем кризисе.

С уважением и любовью, ректор СФИ свящ. Георгий Кочетков, члены Преображенского содружества братств, преподаватели и сотрудники Свято-Филаретовского института»

К этим поздравлениям от всей души присоединяется и наша газета.

ГЕРМАНИЯ ОТМЕЧАЕТ 100-ЛЕТИЕ ДИТРИХА БОНХЁФФЕРА

Билефельд, Германия, ENI/Благовест-инфо. Христиане Германии и всего мира отметили 4 февраля 100-летнюю годовщину со дня рождения Дитриха Бонхёффера — лютеранского богослова, казненного нацистами за свои выступления против режима Гитлера.

«Он — святой, в протестантском значении этого слова», — заявил лидер Евангелической Лютеранской Церкви Германии епископ Вольфганг Хубер. Епископ Хубер был одним из редакторов полного собрания сочинений Дитриха Бонхёффера.

Дитрих Бонхёффер родился 4 февраля 1906 года в Бреслау (современный польский город Вроцлав). Изучал теологию в Тюбингенском, а затем в Берлинском университете (под руководством Адольфа фон Гарнака), там он защитил докторскую диссертацию (1927). Впоследствии сам стал заниматься преподавательской деятельностью. Он также был участником зарождавшегося в то время экуменического движения. Бонхёффер продолжал обучение в Нью-Йорке, слу-

жил в качестве пастора в Лондоне.

После прихода к власти в Германии национал-социалистов он присоединился к движению «Исповедующая церковь», которое выступало против вмешательства режима в церковную жизнь. В 1935 году он вернулся в Германию и возглавил неофициальную (впоследствии — нелегальную) семинарию «Исповедующей церкви». Вскоре после начала Второй мировой войны Бонхёффер уехал в США, где друзья помогли ему найти преподавательскую работу. Но всего несколько недель спустя он решил вернуться в Германию, чтобы быть со своим народом. Он был заарестован немецкой контрразведкой, под прикрытием которой снабжал данными Соппротивление. В апреле 1943 года он был арестован по обвинению в подготовке покушения на Гитлера и спустя два года повешен.

Казнь богослова состоялась всего за месяц до окончания Второй мировой войны в Европе — 9 апреля 1945 года, в концентрационном лагере Флоссенбург. Уже 23 апреля узники этого баварского

лагеря были освобождены американскими войсками.

Сегодня Бонхёффер считается наиболее часто цитируемым протестантским богословом в мире. В его честь названы церкви, приходские центры, о его жизни написаны многие книги и снят не один фильм.

Сразу после Второй мировой войны немецкая лютеранская Церковь по-разному относилась к наследию Бонхёффера. В 1953 году лютеранский епископ из Баварии отказался принять участие в заупокойной службе по богослову, заявив, что Бонхёффер пострадал как член движения Соппротивления, а не как мученик за веру.

«Насилие всегда было и будет грехом, и он знал это», — говорит биограф Бонхёффера Ренате Винд, комментируя участие теолога в заговоре с целью убить Гитлера. «Он был убежден, что если власти ведут себя бесчеловечно, миссия Церкви — не просто перевязывать тех, кто попал под колесо, но и вставить палку в это самое колесо».

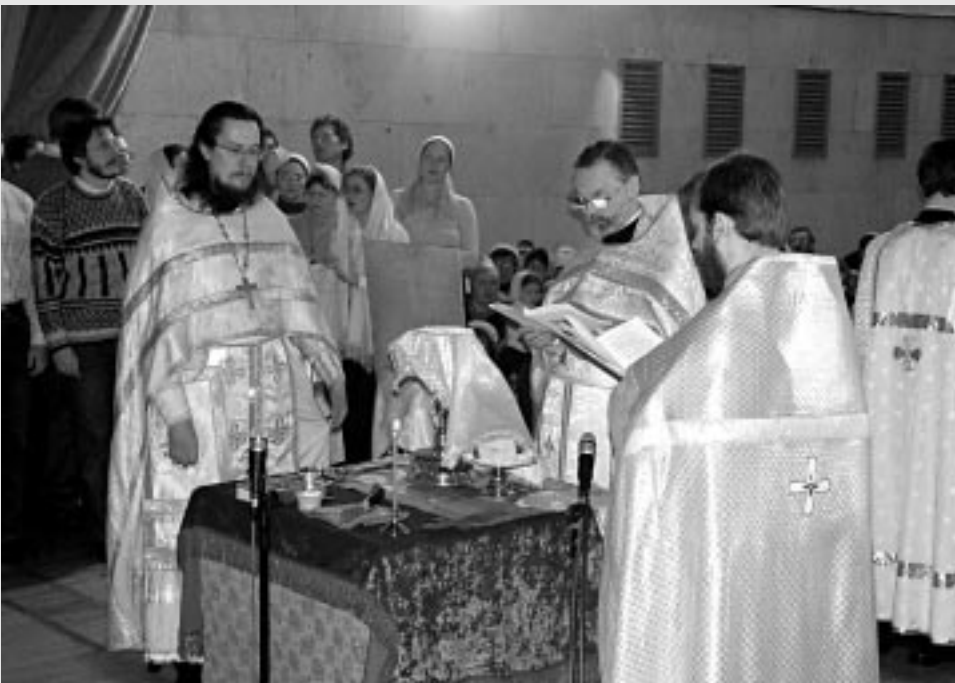
К СВОБОДЕ ПРИЗВАНЫ ВЫ, БРАТЬЯ

(Продолжение. Начало на с. 1)

Духовный попечитель Преображенского содружества профессор священник Георгий Кочетков предложил братьям соборно подумать над темой для общебратских духовных размышлений в 2006 году. Он напомнил, как на Пре-

противостоящего всякому произволу, выраженному в таких формулах, как «не мешайте мне быть свободным». Но для христиан недостаточно просто языческой или ветхозаветной свободы.

После этого о. Георгий вместе со

Божественная литургия в день Сретения Господня

ображенской встрече Содружества в 1998 году были сформулированы основные принципы его деятельности. Они были представлены церковному руководству, но остались без ответа. Да и для значительного числа членов Содружества эти принципы иногда оставались лишь отвлеченными формулами.

«Бездвижность» сковало все уровни церковной жизни, констатировал о. Георгий. Очень часто люди подменяют, например, общину исполнением тех или иных правил, забывая, что община — это, прежде всего, обещание Богу жить вместе по-евангельски. Да, невозможно отрицать положительное значение правил, как начала,

всеми участниками встречи провел настоящий «мозговой штурм» с целью определения главной темы следующего года. Это вызвало горячий отклик собравшихся. Предложения поступали во множестве. В итоге обсуждения в качестве формулировки темы года единогласно была принята предложенная в одной из записок цитата из книги епископа Михаила (Грибановского) «Над Евангелием»: «Устремим всю свободу сердца и ума на дарованную нам благодать возрождения!»

Затем прозвучали доклады преподавателей СФИ Л.Ю. Мусиной «Свобода в Священном Писании» и Д.М. Гзгзяна «Свобода в учении Церкви».

Во второй половине дня работа была продолжена по конкретным аспектам темы свободы на одиннадцати круглых столах.

Закончился день обсуждением проблем, связанных с детской и молодежной работой. Состоялся обмен опытом. Председатель Детско-юношеского центра Содружества Наталья Чернышева рассказала о разработанной педагогической группой «Бриг» системе постепенного вхождения детей, по мере их взросления, в полноту церковной жизни. Предложенная в свое время Поместным собором 1917-18 гг. система, предусматривавшая освящение различных этапов в жизни юного человека (подготовка к первой исповеди и венчанию), была развита и уточнена: по мнению Натальи Чернышевой нельзя обойти вниманием такие важные рубежи взросления как двенадцатилетие и шестнадцатилетие.

Свящ. Иоанн Привалов рассказал о том, как детская работа построена в братстве во имя архангелов Михаила и Гавриила: моделью детской работы, сложившейся в нем, условно можно назвать тезис «Дети — помощники взрослых». Оппонировал о. Иоанну один из начальников скаутской дружины при братстве Александр Сединкин. По его мнению, дети должны не только участвовать в работе взрослых, но и выполнять свои, соответствующие возрасту, маленькие, но конкретные задачи.

Преподаватель истории СФИ В.К. Котт заметил, что детский вопрос на сегодняшний день не имеет единого универсального, удовлетворительного решения в Церкви. Он коротко рассказал об опыте «самого интересного», по его мнению, педагога русского зарубежья» о. Александра Ельчанинова. О. Александр «хотел и мог дружить с детьми». Главной интуицией о. Александра было то, что влечет ребенка к Церкви переживание счастья. Виктор Котт напомнил также мнение профессора-протопресвитера Виталия Борового о том, что детям нужно свидетельствовать о

вере, но нельзя «воспитать в вере», ибо вера — дар от Бога а не от нас и связана с личным принятием этого дара человеком.

Подводя итог дискуссии, о. Георгий Кочетков отметил, что церковная педагогика — явление относительно недавнее, появившееся в начале XX века. Раньше церковь предоставляла воспитание детей и молодежи всецело семье, государству и обществу.

Следующий день работы начался с подведения итогов круглых столов. В сообщениях ведущих прозвучали глубокие и одновременно актуальные замечания по выбранной теме сретенской встречи и предстоящего года.

Закончился день служением праздничной Великой вечерни. После нее был совершен обряд обручения нескольких пар готовящихся к браку членов Содружества, а также принесены обеты воздержания от алкоголя и табакокурения членами братства «Трезвение».

15 февраля в день Сретения Господня все участники и гости встречи собрались для праздничного миссионерского богослужения. По благословению митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия совершалась литургия, предстоял свящ. Георгий Кочетков, сослужил клирик Московской епархии священник Алексей Тюков и некоторые члены Содружества в священном сане.

После чтения Священного писания звучали проповеди. За литургией причастилось около 750 человек. По окончании литургии о. Алексей поздравил членов Содружества с праздником от имени благочинного Клинского благочиния прот. Бориса Балашова.

Закончилась встреча агапической трапезой и подведением итогов. В завершение о. Георгий выразил желание, чтобы в будущем больше времени было уделено общению с гостями Содружества, приезжающими на такие встречи.

Александр Буров

БЛАГОВЕСТИЕ О СВОБОДЕ — ЭТО БЛАГОВЕСТИЕ О КРЕСТЕ И ВОСКРЕСЕНИИ

Доклад зав. кафедрой Священного писания, ученого секретаря СФИ Л.Ю.Мусиной «Свобода в Священном писании»

Представление о свободе появилось в человеческом сознании в связи с древнейшим устройством общества и с существованием института рабства. С определенного момента истории рабство стало неотъемлемой чертой социальной жизни.

Ветхий завет понимает свободу почти исключительно как социальный статус. Свободный находится в противоположном положении по отношению к рабу. Древнееврейские слова, значащие *свободный* или *свобода*, встречаются в Писании довольно редко и, как правило, в рассуждениях о рабстве и отпущении на волю.

Основное установление Ветхого завета — то, что Бог — это Господь, Ягве — это Господин. Рассказ о сотворении человека и грехопадении связывает появление отношений рабства и господства с грехом. Из-за неверности Богу человек оказался в тяжелой зависимости от природных стихий, рабство стало неотъемлемым от его жизни, и человеку осталась некоторая свобода только в смысле выбора господина. Человек все-таки мог выбрать Бога своим господином, и тогда он становился участником истории спасения. В Ветхом завете большое место занимает тема верного раба Божьего, истинного слуги, через кото-

рого действует Божий промысел. Рабами Божиими Писание называет Авраама, Исаака, Иакова, затем Моисея, Иисуса Навина, Давида, кроме того — пророков.

Представление о Боге как о Господине особым образом связано с событием Исхода из Египта, который описывается не в категориях свободы, а как искупление, как выкуп. Бог выкупил народ для себя (Лев 25:42), и народ теперь принадлежит Ему. И все-таки это одновременно и *усыновление* любящим Отцом: *Когда Израиль был юн, Я любил его и из Египта вызвал сына Моего* (Ос 11:1). Такое сочетание — раб и одновременно сын — не было удивительным: у древних народов усыновление ритуально оформлялось как покупка.

Знаком владычества Бога стал данный народу закон. Следование закону означало верность Богу, и одновременно закон, ограничивая грех, давал защиту. Однако Израиль — раб неверный, он часто изменял своему Господину и из-за этого снова и снова оказывался в рабстве у других сил или у людей: *Цари наши, князья наши, священники наши и отцы наши не исполняли закона Твоего и не внимали заповедям Твоим... И вот, мы ныне рабы; на той земле, которую Ты дал отцам нашим, чтобы питаться ее плодами*

и ее добром (Неем 9:34-36).

Удивительно, что после освобождения из дома рабства и усыновления Богу народ Божий продолжал сохранять отношения раб-хозяин внутри себя. Однако несмотря на существование рабства, присутствовало понимание, что это недолжное состояние, и подразумевалось, что, несмотря на фактическую зависимость, лично человек остается свободным. В Израиле человек мог быть отдан или сам себя отдавал в рабство в качестве компенсации за долги, но срок рабства был ограничен, и нельзя было находиться в рабстве всю жизнь; пожизненное рабство было возможно лишь в некоторых случаях. Даже если срок рабства оказывался долгим, то в юбилейный год все-таки в безусловном порядке должна была быть предоставлена свобода, и эта практика юбилеев не имеет аналогов у других народов. Для беглых рабов существовали поселения-убежища. Рабство в Израиле не превращалось в сословное разделение.

Понимание того, что человек принадлежит Богу, привело также к целой системе установлений, защищающих раба. В пределе они сводились к следующим принципам. Во-первых, недопустимо безграничное господство над человеком. Это означало ответственность

хозяина и ответственность родственников раба, которые должны были постараться выкупить своего сородича. Во-вторых, человек должен сам отвечать за себя и за свою жизнь. Поскольку в Израиле хозяин должен был нести попечение не только о рабе, но в определенной мере и о его семье (даже если члены семьи были свободными), рабство иногда могло становиться подобием социального обеспечения. Отпуская раба на волю, хозяин должен был обеспечить его какими-то средствами к существованию: как говорит Писание, *дай того, чем благословил тебя Господь* (Втор 15:14). Но человек не должен перепоручать другому заботу о себе навечно, и, кроме того, он обязан служить Богу, а не кому-то еще.

Все это радикально отличало Израиль от окружающих его народов. При том количестве правовых оговорок о рабстве, которое есть в ветхозаветном законе, может создаться впечатление, что это уже и не совсем рабство. Отчасти это верно, и здесь надо учитывать, что, во-первых, в древнееврейском языке одним и тем же словом может называться и раб, и просто слуга, а во-вторых, всегда существуют промежуточные формы общественной зависимости, и не всегда до конца ясно, что считать рабством.

Слева направо: В.Н. Рыжиков, свящ., Георгий Кочетков, Л.Ю. Мусина

Подходя к временам Нового Завета, мы должны обратить внимание на отражение темы свободы в греческой мысли, поскольку христианская традиция активно взаимодействовала с эллинистическим миром — как непосредственно, т.к. с самых ранних времен в церковь влились носители греческой культуры, так и опосредованно, через эллинизированную часть иудейской традиции и таких мыслителей, как Филон или апостол Павел.

В греческом мире свобода, *элеутерия*, — это по преимуществу политический концепт.

Для греков государство — это сообщество и власть свободных и равных людей, которые являются носителями благородства, богатства и образования. Наличием таких людей определяется величие полиса в смысле качества, тогда как народные массы обеспечивают могущество с точки зрения количества. Свобода при этом — одна из главных ценностей. Свобода не может быть оппозицией строю или закону: с помощью закона в обществе правит общий разум и выражается общая воля граждан, закон защищает от произвола и тирании; закон как раз и гарантирует свободу.

Однако ко времени Платона и Аристотеля идея «естественного» рабства уже уверенно противостоит мысли о равенстве всех людей. Это связано прежде всего с направлениями кинизма и стоицизма. Ставится под вопрос то, что политика должна всецело определять горизонт человеческой жизни, и свобода начинает осмысливаться как самостоятельная и наибольшая ценность. При этом свобода зависит не столько от общественного, сколько от внутреннего состояния человека. Те, кто занимает высокое общественное положение, нередко оказываются рабами богатства, страха за свою власть или чего-то подобного. Греческие писатели оплакивают ничтожность тиранов и их нахлебников. Символом вызова этим ложным ценностям является, например, фигура Диогена Синопского, ходившего без одежды, евшего с собаками и ощущавшего себя гражданином мира. Для человека важнее не государственные законы, а закон его подлинной природы, и этому закону нужно в первую очередь сохранять верность.

Всем внешним — имуществом, семьей, даже своим телом — человек не может вполне обладать, и он не должен от них зависеть. Единственное, что по-настоящему принадлежит человеку, — это его душа, движения которой зависят только от него самого, и душа должна быть свободной.

В Новом завете Евангелия непосредственно почти не говорят о свободе, тем более о свободе социальной. Евангельское представление о свободе прежде всего выражено в самой фигуре Иисуса. Мы видим в Нем поразительную свободу: в том, как Он ведет себя по отношению к другим людям; в том, как он относит-

ся к требованиям закона; в том, как Он дерзновенно называет Себя Сыном Божиим.

Он обладает властью — в этом смысле он подобен свободным гражданам античности. Подобно тому, как свободный демос был основой греческого полиса, Иисус краеугольный камень нового сообщества новозаветного народа Божьего. Власть Иисуса имеет двоякую перспективу — по отношению к Богу и по отношению к ближним. Иисус может совершать то, что для иудея связано только с Богом: Он *оживляет, кого хочет*, и даже больше того — Он имеет жизнь в Себе Самом; Ему отдан весь суд, и нужно *читать Сына, как чтут Отца* (Ин 5:21-23). При этом Иисус ничего не делает от Себя, Он творит волю Отца, Он послушен Богу до крестной смерти и все делает исходя из того служения, на которое призван. В Иисусе мы видим верного Раба, Отрока Божьего, о котором пишет пророк Исайя. Обладая такой властью, которая дает право суда, и обладая правом «делегировать» эту свою власть своим ученикам, по отношению к которым Он занимает положение пастыря, — Иисус отдает жизнь *за други своя*, за каждую из Своих овец и служит ближним, как раб, что выражено в умовании ног на Последней вечере. Все это значит, что привычные правила и нормы в жизни Иисуса не действуют, и Евангелия свидетельствуют о Нем как о Помазаннике, в котором воплощено царство Духа, а *где Дух Господень, там свобода* (2 Кор.3:17).

Призывая и поставяя Своих учеников, Иисус приобретает их к Своему призыванию и говорит о царствовании и об избранничестве, как будто речь идет о знатных людях (что иногда запутывало учеников, и они начинали мечтать о должностях в будущем царстве). Парадоксальные речения Иисуса зовут их не сообразовывать свою жизнь с законами мира сего: не заботиться о том, что есть и во что одеваться, любить врагов — т.е. жить в свободе. В присутствии Иисуса болезнь и сама смерть перестают безраздельно господствовать над людьми. И при этом ясно, что речь не идет просто о сверхъестественных возможностях Его как божественного мужа, а происходит восстановление утраченного единства с Богом, и начинают исполняться обетования о будущем веке, когда все опять будет всецело в руках Божьих. В служении Иисуса побеждается причина всех страданий и смерти — Он приносит освобождение от рабства греху (Ин 8:34).

Свобода Иисуса в том, что Он не раб, а Сын, и отношения с Иисусом Его учеников, а через связь с Ним и их отношения с Богом уже не связаны с господством и страхом. Это отношения свободы: Своих учеников Иисус называет друзьями, и верующим в Него дается благодатный дар быть детьми Божиими (1 Ин 3:1). Во Христе, говорит Евангелие, *вы познаете истину, и истина делает вас свободными* (Ин 8:32). Это освобождение истиной дает вечную жизнь:

в отличие от рабов, сыновья пребывают в доме Отца вечно. Как Сын связан с Отцом любовью, и ученики Христа включаются в этот круг общения в любви. Они также получают Духа и *имеют дерзновение к Богу* (1 Ин 3:21) — не просто к истине, а к живому, живущему Богу.

Новозаветное, христианское понимание свободы в наиболее выраженном виде присутствует в Посланиях апостола Павла. Павел не может сдержать восхищенного изумления перед тем, что Бог во Христе дарует свободу.

Как эллины, среди которых он вырос, Павел считает, что окружающая физическая жизнь порабощает человека. Павел обозначает это порабощающее начало словом *плоть*. Плоть — это то, что не дух, это та телесная часть в человеке, которая немощна и подвержена тлению. Конец дел плоти — это смерть (Рим 6:21). Кроме того, как иудею, Павлу понятно, что вся реальная жизнь человека подчинена греху, от которого не избавляет даже Божественный закон. Закон, который сам по себе *свят, праведен и добр* (Рим 7:12), который *дан для жизни* (Рим 7:10), ведет к смерти и *производит гнев* (Рим 4:15), потому что человек не перестает грешить. Человек обладает плотью, и грех так пропитал все вокруг и так сросся с человеком, что уже сам может быть назван его плотью. Но через Христа люди искуплены из рабства греха благодатью, т.е. даром, — по вере (Рим 3:24 слл.). Продолжая традицию Священного писания, Павел использует образ выкупа. *Вы куплены дорогой ценой*, пишет апостол, и теперь Владыкой является Христос, Который искупил людей из плена греха и плоти — искупил Своей жертвой, принесенной в любви. Так же как Исход был не только выкупом, но и освобождением, искупление во Христе — это еще и оправдание, освобождение. *Когда вы освободились от греха и стали рабами Богу, плод ваш есть святость, а конец — жизнь вечная* (Рим 6: 22). И Христос — Господин свободы, потому что Бог покорил Ему все (1 Кор 15:27).

Во Христе перестает иметь значение социальный и вообще внешний статус: *раб, призванный в Господе, есть свободный Господа; равно и призванный свободным есть раб Христов* (1 Кор 7:22), так же как нет ни мужского, ни женского, ни эллина ни иудея. По этой же причине не так важно, жить ли в браке или без брака, — оставаясь в том состоянии, в каком призван. И пусть *пользующиеся миром сим будут как не пользующиеся, ибо проходит образ мира сего* (1 Кор 7:30-31).

Павел, подобно киникам и стоикам, заявляет, что *все мне позволительно, но ничто не должно обладать мною* (1 Кор.6:12). Однако, в отличие от греков, для него свобода не является ни самостоятельной ценностью, ни целью. Свободным можно быть только по дарованию. *Что ты имеешь, чего бы не получил?* — восклицает Павел. Жизнь в свободе означает жизнь по благодати. Плоть же, напротив, самодостаточна, она стремится *воцариться без Бога*, выдавая свою жизнь, подверженную всем бедам и всему злу, за свободу.

Свобода христианина — это то состояние и качество, которое даруется как *сила*, когда человек становится Богу своим, а стать своим — значит участвовать в делах Божьих, т.е. подражать Христу и разделять Его служение. Силу дает всецелое предание себя Богу и Христу — не случайно Павел в ряде своих посланий представляется как раб Иисуса Христа. Если вы свободны, *прославляйте Бога и в телах ваших, и в душах ваших, которые суть Божии*, пишет Павел (1 Кор 6:20). *Ибо никто из нас не живет для себя, и... живем ли или умираем — всегда Господни* (Рим 14:7-9).

Свободный человек обладает большими возможностями, но тут еще пока нечем гордиться. Павел пишет коринфянам, что настоящая свобода может реализоваться в том случае, если сама не станет идолом, — иначе она теряется и возвращается рабство плоти. Если весть о свободе развязывает руки для дел плоти — то это то знание, которое надмевает, разлучает с Богом и делает лю-

дей общниками бесов (1 Кор 10:20). Но если кто отдает себя Богу, тот получает настоящее познание Бога и познал Им.

Павел понимает, что ради свободы приходится от многого отказываться. При этом для него в основе самоограничения лежит дело благовестия и жизнь во Христе. Так, он мог бы получить какое-то содержание от тех, для кого он трудится: *Не Апостол ли я? Не свободен ли я?* (1 Кор 9:1). Но Павел отказывается от этой вещественной зависимости, потому что она может стать помехой евангелию. *Никакой воин не должен связывать себя делами житейскими* (2 Тим 2:4). Однако Павел готов жертвовать и большим.

Допустим, все мне позволено, пишет Павел, но ведь глупо делать то, что не полезно. Общеизвестно, что путь к свободе — разумное поведение, но в стоической разумности, принимающей неизбежность судьбы, нет надежды. Настоящая разумность, ведущая к свободе, — это все делать во славу Божью, жить по доверию к живому и к любящему Богу и к любящему и жертвующему Христу. Когда всем даровано спасение, нельзя не проповедовать и нельзя не взирать на Христа как на пример. Христос, исполнивший заповедь о любви к братьям и к Богу, показал одновременно и пример жизни в свободе, и предельное послушание как верность тому, к чему Он был призван. И теперь Павел готов отказаться от всего своего ради благовестия: *будучи свободен от всех, я всем поработил себя, дабы больше приобрести* (1 Кор 9:19). Павел готов к принесению жертвы, потому что *раб не больше господина своего* (Ин13:16). И он взирает на Воскресение Христово как знамение того, что результатом одоления этого поприща будет венец нетления.

Во Христе дарована свобода сынов Божьих, которая возвращает человеку его высокое положение. Однако это понимание своего избранничества и свободы — это не спонтанное чувство, а воля человека, направленная навстречу воле Божьей. И здесь важно помнить о том, что Бог за нас, важна уверенность, что того, кто любит Бога, никто и ничто не может отлучить от Его любви. Двойственное положение человека, когда обетование уже дано, но еще не реализовано в полноте, требует постоянного усилия веры, в основе которого не просто рациональное решение: Писание говорит о жизни во Христе как о новом рождении, когда человек начинает дышать новым дыханием — духом — и жить в новой реальности Церкви.

Освобождение от рабства греху, рабства плоти, рабства тлению осмысливается как новое творение (Рим 8:18-25), которое в полноте осуществится в конце времен. Но уже теперь дан дар Духа — как начаток, как залог спасения в надежде (Рим 8:23, 2 Кор 1:22; 5:5). Апостол Павел постоянно сокрушается о том, что мы пытаемся подменить жизнь в духе чем-то более привычным, он видит в этом новый обманный ход плоти и беспощадно разоблачает эти подмены. Павел обличает не только тех, для кого проповедь свободы стала поводом для распушенности, но и обрушивается на тех, кто возвращается к рабству закона, извращая новое откровение.

В свободе никто никому ничего не должен, кроме взаимной любви (Рим 13:18). Эта любовь и избранность в общей надежде соединяет Церковь. Тело Христово — это та новая ткань жизни, которая должна заменить жизнь в угодении плоти. То, что Христос принял нас в славу Божию, требует от нас принятия друг друга (Рим 15:7). Христос послужил нам — и это заставляет нас служить друг другу.

Благовестие о свободе, как и весь НЗ, — это благовестие о Кресте и Воскресении. Крестом Христовым мир сей распят (Гал 6:14), и верующий во Христа распят для мира. Получив в Воскресении Христовом знамение свободы, и в Теле Христовом — залог личного воскресения, каждый христианин в жизни своей должен познать и раскрыть, что значит стоять в свободе, ибо свобода, как всякий дар Божий, — это призвание, а не то, чем можно просто воспользоваться.

Доктринально оформленного учения о свободе в Церкви скорее нет, однако нельзя сказать, что Церковь свободы не знает, что она свободе не обучена и Сама не может этот опыт передавать.

Церковь Христова есть величайший плод подлинного, всеобъемлющего и полного освобождения. Она является в Священной истории как исполнение фундаментальных обетований о восстановлении и, при этом, о новом союзе между Богом и человеком. Если тайна освобождения совершилась, то, кажется, говорить об этом особенно нечего. Надо только жить в своей призванности к свободе. Не случайно о свободе сказано много слов, но они с большим трудом собираются в целое, и поэтому в церковном предании, равно как и в истории человеческой мысли, мало что здесь удалось накопить и тем более систематизировать.

Во Христе свобода не дана как единожды совершившееся. «Познайте истину и истина сделает вас свободными». Эти слова допускают толкование лишь в духе «уже, но ещё не...», то есть освобождение во Христе означает вступление на путь приобщения к полноте истины. Преград уже нет, Истина готова к нам войти, может наполнить доверху «чашу жизни», но остаётся ещё усилие непрерывного движения к истине, усилие жизни в свободе.

Свобода даётся даром, то есть не по заслугам, а по выраженному твёрдому желанию. Но она, как одно из имён Божьих, может присутствовать в жизни каждого из нас. Ведь реальность участия Бога в нашей жизни — это одновременно свидетельство Его непостижимости. Он встречает праздником жизни каждое наше движение ко Христу, давая вырасти в этом нашей личности, но одновременно блюдёт её ненарушимость и потому сохраняет свою особенную тайную неприкосновенность.

Бог, как Отец, Святым Духом пронизывает наши глубины, но свято хранит нас неслиянными с Ним. Ведь слиться с Всевышним означает раствориться, а Господь хочет нам вечной личной жизни, а не блаженной абсорбции. «Где Дух Господень, там свобода» — но не поглощение. Где Дух Господень, там ещё и возрастание личности, значит, в буквальном смысле, совершающаяся, а не просто длящаяся свобода. Это значит, что свобода дана нам как дар умножения личности через освобождение от всякой безличности, от слепой природности, которая предполагает возобновляющиеся циклы рождения и умирания. Во Христе мы свободны от суесть и коловращения времён и событий, от вечного поворотения и вечного возвращения. Мы свободны от давления мифа, свободны в явленной истине, в накапливаемой, а не циркулирующей и лишь воспроизводящейся под разными видами мудрости.

Всё это проговаривается довольно легко при минимальном напряжении мысли, стоит ей только пробудиться от очередного прикосновения Откровения во Христе. Получается, что добавить тут особенно нечего, кроме немногих иных образов, новых метафор, парадоксов, чуть более живописных оборотов. Почему бы и нет? Если бы тут у нас был объявлен конкурс красноречия по хрестоматийной теме... Но, тема, увы, не хрестоматийно ясная, а хрестоматийно затёртая. Что сделало её такой, непонятно. Но ведь будучи объявлена как тема нашего общего обсуждения, она уже вызвала некоторое первоначальное смятение и озабоченность. Так всегда бывает, когда по очевидному поводу долго не наступает ясности. Проблемно ли выглядит «свобода» после всего, что уже прозвучало? Нет. Но и ясности тоже особенной не наступило. В чём же тогда видится проблема?

Я позволю себе сказать, что в судьбе человечества всегда драматичным было не столько желание свободы — оно выглядело достаточно естественным — сколько бегство от неё. В церкви и того хуже: главной проблемой выглядит не обретение свободы, а бегство от свободы, дарованной Христом, и, что замечательно, под лозунгами свободы же. Достоевский знал, что стоит человеку обрести желанную свободу, как он ищет, кому бы бросить её под ноги. Стать свободным значит согласиться на муку одиночества и неустойчивости. Когда тебя больше не угнетают, это, конечно, славное, но одновременно исчезает и надобность в твоей персоне. Человек легко обнаруживает, что был и остаётся нужен как фактор, обстоятельство или материал для чужих интересов. Только избавившись от хозяина, он оказался нагружен ответственностью хозяина собственной теперь уже судьбы. А кому, спрашивается, нужно такое счастье, когда у тебя ничего нет, как и не было, только ты теперь ещё и в ответе за своё неимение, оставшись один на один с теми же будничными заботами?

Скажут: хозяева бывают жестокие. Несомненно. Но когда они исчезают, появляются жестокие коллеги и конкуренты. Жестокость хозяев заставляет людей жаться друг к другу, чтобы как-то согреться. А вот окаменевшие сердцем конкуренты никакого тепла уже не дают. Им некогда. У них появилась ответственность за себя. Так что не до жиру, то есть не до тёплого общественного климата. Тут поневоле вспомнишь ностальгические слова людей старшего поколения о своеобразном тепле коммунальных квартир, общих кухонь, на которых люди как-то переживают сопричастность под стук колёс ночных воронков.

Во Христе нам дана высшая и совершенная свобода. В ней можно быть независимым от любых обстоятельств, то есть быть совершенно востребованным. Апостол Павел со свойственным ему пафосом освобождённого фарисея восклицает: «ничто не отлучит нас от любви Христовой». Беда только в том, что свобода, как дар жизни не покинутой, а ставшей предметом действи-

тельного интереса, которая никогда не может быть исчерпана, сама оборачивается требованием к тому, кому она даётся.

Свободный человек не может быть неприкаянным. Но это значит, что ему всегда есть что делать, и ему всякий раз довольно быстро становится известно, что делать и как это можно делать, то есть, как распоряжаться своей свободой. При этом начало всякой свободы, конечно, коренится в избавлении, в факте освобождения от рабской зависимости. И этот чудный момент раскрепощения таит в себе большой соблазн на нём и остановиться — на факте отвязанности от любых форм давления, причислив к ним для удобства всяческое должностное. И тогда в ответ на обретенную свободу можно ещё согласиться блюсти минимум правил, которые будто бы удерживают тебя в кругу избранных, чтобы в остальном дать волю собственным прихотям: всю жизнь свободно искать своё место, своё служение; вычислять свой особенный дар Духа; менять привлекательные занятия во славу Божию — наслаждаться вовсю дарованной свободой. Правда, обратной стороной такой свободы оказывается накапливаемая с годами и всё менее сдерживаемая досада, что ожидаемый водопад счастливых событий быстро скудеет, что любви от других особенно не дожидешься, хотя именно она обещана как содержание освобождённой жизни, что мир вокруг оказывается привычно тускл, что заботы «мира сего» никуда не делись, что человек стареет, что он, наконец, смертен. От всего этого привычная риторика на тему о свободе, любви и обретенной полноте становится всё менее убедительной для того же, кто этой свободой призван воспользоваться.

СВОБОДА В УЧЕНИИ ЦЕРКВИ

Доклад зав. кафедрой догматики СФИ
Д.М. Гзгзяна

Хуан Муньос. Пустырь. 1986

Церковь, конечно, всегда знала и знает подлинный опыт свободы. Опыт радостной, а не притворно боязливой эсхатологии. Опыт действительного предвосхищения конца миру зла, страданий и тлена, которое всегда открывается как изнутри возрастающее желание сделать ближним всякого дальнего, утереть слезу страждущему, словом, — отрываться от своего «эго» ради обретения подлинного «я», которое со временем повышается в цене, вплоть до переживания собственной бесценности. Ведь каждый действительный опыт любви действителен тем, что он сугубо собственный, только такой он и есть от Бога. Всё повторяемое есть и в природе. Свобода в каком-то смысле есть утверждение неповторимости и неповторимости. Чудо такой жизни ещё и в том, что человек-христианин реально узнаёт себя уникальной ценностью, совершенно свободной от всякой угрозы уничтожения: «Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить». Жизнь, не знающая пустой суесть и банальности, — вот свобода сыновей и дочерей Божьих, познавших истину настоящей жизни, укрепляющихся в своей свободе, всё могущих в укрепляющем их Христе.

Одно непонятно — почему это достояние и отдельными лицами и церквами разных эпох так легко подчас оставалось, отдавалось на откуп коварному духу «мира сего»? Почему стоило только сойти с исторической арены поколению апостолов — и куда-то постепенно стал отходить дух освобождающей Христовой победы, уступая место приравниванию к обстоятельствам «мира сего»? Почему стоило христианскому миру победить могущество империи кесаря, как церковь тут же пошла к побеждённому на поклон? Почему стоит в

Церкви родиться новому опыту, обновляющему в ней светлый образ апостольских общин, как уже наготове признаки институционализации, всякий раз довольно успешно «выправляющие» его по лекалам и потребностям бытия подзаконного, т.е. несвободного? Так, Франциск Ассизский становится основателем ордена францисканцев. Троица Андрея Рублёва — канонем писания Троицы и т. д. Примеров тому множество. Неужели забвение того, что Царство Божие усилием берётся, наступает так легко? Неужели так трудно устоять хотя бы в памяти о свободе? Ведь мы же помним: достоинство богоподобного существа открывается в высокой мистике свободы, свободного порождения новой жизни, превышающей всякую природную данность и заданность. Бердяев доходил в своём дерзновении до того, что свободу делал безосновным основанием бытия самого Бога. То есть Сам Бог, в этом смысле, есть прежде всего Свобода. А затем — если тут вообще уместны «прежде» и «затем» — Любовь и Истина, которые являются как бы изнутри свободы, как её самораскрытие и утверждение.

Но почему-то вместо единства изначальной свободы Божьей с восстановленной и возвращенной через Царя-Освободителя, Мессию свободой человека «благодарное» сообщество нередко мнимых учеников Господних по большей части стало на свой учёный и не-учёный лад склонять тему свободы в двух самых непродуктивных формах. Во-первых, возник и доктринально непомерно разросся вопрос о том, насколько свободен сам Бог в отношении Им же установленных законов, а то и в отношении собственной природы. Во-вторых — вопрос о том, сохраняются ли у человека лазейки для манёвров относительно требовательных указаний Все-могущего Бога. Иначе говоря, обсуждалась не столько свобода, сколько допустимая степень проявления двух форм произвола: Божественного и человеческого.

В XX веке, во многом благодаря деятельности мыслителей русского религиозно-философского ренессанса, был богословски восстановлен свободный союз Бога в своём жертвенном кеносисе, и человека, способного такую свободу, такую жертву любви Божьей воспринять как свою личную судьбу. В этой связи особое значение приобретает «открытие» в XX веке общинной и братской жизни во Христе. Община живёт и дышит свободой. Без этого она не может. Общинная жизнь по самой сути своей исключает авторитарность и законничество. Здесь уместно говорить только о жертве любви, которая требует обязательств и правил, но принимаются и исполняются они свободно. Община держится свободным усилием любви. В ней, как и у Бога, может всерьёз что-то состояться изнутри свободного усилия.

Апостол Павел неслучайно призывает нас стоять в свободе. Свобода уникальным образом открывается одновременно и как основание жизни, и одновременно как добродетель. Причем если именно о свободе хочется говорить как о первоначальном условии, то в качестве добродетели, в которой надо расти, она является в любви. Этот дар Господень, умножаясь, умножает саму свободу, которая, таким образом, являет свою специфическую зависимость от других фундаментальных начал жизни. Свобода первична, но она же сама в себе и беспомощна. Ибо нуждается в том, чтобы её умножать и укреплять. Условие пульсации свободы в жизни — это в первую очередь присутствие истины. Не случайно Господь говорит: «Познайте истину, и истина сделает вас свободными». Истина знает, свобода же проживается. Но ни та, ни другая сами по себе не творят, а присутствуют в творчестве. Творческая же сила — любовь. Не случайно поэтому в кризисные времена эти начала и искажаются по-разному. Свобода просто замалчивается, истина — приватизируется, любовь — мифологизируется.

Если церковный порядок в форме церковной иерархии становится самодостаточным, то эта иерархия на свободу обычно просто машет руками. Истина банализируется до уровня повторения плоских формул и поэтому всякое покушение на некоторый пересмотр, модификацию хотя бы формул, не говоря уже о живом развитии церковного учения, воспринимается как покушение на общецерковный порядок. Ну, а любовь объявляется даром героических личностей, становится предметом проповеди, но куда-то уходит из жизни. Правда, через такое «разведение по углам» фундаментальных начал жизни и иерархии начало власти само повышается в воздухе. Поэтому иерархия в своем всевластии оказывается предельно несвободной. Возвращение начала свободы и, таким образом, начала жизни в Церковь оказывается, по Её же учению, возможным через восстановление свободного общинного жительства в любви и в притяжении истины. Возможно, здесь стоит ещё использовать выражения, порождённые трагическим опытом 20 века. Так, немного перефразируя слова известного подвижника, о. Тавриона (Батозского), можно было бы сказать, что свобода — это когда выгорело всё, кроме любви. Если кто-то скажет, что это плоды пребывания в концентрационном лагере — ну что ж. В конце концов, светлый и тёмный лики свободы можно примирить даже лагерным опытом. Лагерная эстетика нам знакома в её исключительно положительном и вдохновенном выражении. Мы и сейчас находимся не где-нибудь, а в таком месте, где имеем возможность концентрироваться на том, на чём толком за пределами замкнутого пространства особенно не сконцентрируемся. И пусть даже на наших дверях, на наших воротах будет написан скомпрометированный историей лозунг: труд освобождает. Он звучит не страшно, если имеется в виду дело веры и труд Любви.

СКОНЧАЛСЯ АРХИМАНДРИТ ИОАНН (КРЕСТЬЯНКИН)

5 февраля утром на девяносто шестом году жизни скончался архимандрит Иоанн (Крестьянкин).

Он родился 11 апреля 1910 года в городе Орле в многодетной семье и был восьмым ребенком у родителей. Назвали мальчика в честь Иоанна пустытника, память которого празднуется Церковью в этот день. С детства Ваня Крестьянкин ходил в храм и был в послушании у известного своей монашеской строгостью архиепископа Орловского Серафима.

В 1945 году в храме на Ваганьковском кладбище в Москве Иван Крестьянкин был рукоположен в диакона, затем патриарх Алексей I в Измайловском Христорождественском храме рукоположил его во священника. Здесь он служил до 1950 года, пока власти не арестовали его по обвинению в антисоветской агитации и не отправили на семь лет в лагерь.

Освободился о. Иоанн досрочно в 1955 году. После освобождения его направили служить в Псковскую епархию, затем перевели в Рязанскую епархию.

В 1966 году иерей Иоанн принял монашество, а с 1967 года стал насельником Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря.

О последних днях жизни архим. Иоанна (они начались с 30 на 31 декабря 2005 года) рассказал в дни погребения один из его духовных детей, иером. Иосаф (Швецов): «Полчетвертого ночи батюшка во весь голос сказал: «Я умираю», и повторил это трижды.

Он изменился в лице, пульс стал исчезать, батюшка побелел. С раннего утра братия у одра умирающего старца стала петь отходную, начали прощаться. Зная особую любовь батюшки к празднику Пасхи, ему запели Пасхальные ирмосы и, увлекшись, пропели всю Пасхальную утрению. По окончании, традиционно провозгласили: «Христос Воскресе!», и неожиданно для всех, батюшка ответил прерывающимся, слабым голосом: «Воистину Воскресе Христос!», и, помолчав, он повторил это Пасхальное приветствие более твердо. А в третий раз перекрестился, и жизнеутверждающим голосом, знакомым нам всем, провозгласил «Воистину Воскресе Христос!» У нас появилась надежда, что не пришел его час, и мы стали просить Господа не лишать нас духовника, отца и наставника. Днем читалось Евангелие, прочитывалась братией вся Псалтырь. Господь даровал нам утешение на целый месяц, за который батюшка подготовил нас к своему исходу. За этот период он не раз повторял приходящим: «Мне трудно, отпустите меня». И просил: «Господи, возьми меня отсюда». И Господь взял его прощению. В субботу вечером в его келье был прочитан канон новомученикам и исповедникам российских, многие из которых известны ему лично. А наутро, причастившись Святых Животворящих Тайн Христовых, он тихо и незаметно для служивших его немощи, отошел ко Господу».

ЭТО БЫЛО ПРЕКРАСНОЕ СЕРДЦЕ

Я познакомился с о. Иоанном (Крестьянкиным) во время паломничества по маршруту Псков-Таллин-Рига-Вильнюс-Смоленск-Москва поздней осенью 1972 года. И после этого в течение многих лет, вплоть до поступления в академию в 1980 году, я каждый год на Успение был в Печорах.

О. Иоанн отличался от всех монахов по своему типу, по своему виду. Единственно, кого с ним можно было поставить рядом — это архимандрита Алипия (Воронова), который в те годы был наместником. Когда во время какого-нибудь большого праздника выходило множество монахов, они, и особенно о. Иоанн резко выделялись. На лице ни глупости, ни раздражения, ни озлобления, ни каких-то грубых страстей — ничего этого просто не было.

О. Иоанн всегда был очень быстрым, спешащим, бегущим, как будто он убегал от народа. И вот так, экономя время, он умел с каждым человеком поговорить.

Я хорошо помню два самых важных для меня разговора с ним.

В 1974 году, когда я поступал в аспирантуру (на это меня благословлял отец Всеволод Шпиллер), о. Иоанн подтвердил благословение отца Всеволода, сказав совершенно четко, что церкви нужны образованные люди и что нужно идти учиться, несмотря на то, что это несколько идеологизированная и, следовательно, для христианина несколько опасная жизнь.

Второй разговор был уже в 1978 году, тоже на Успение. Перед этим, в мае, я встречался с митрополитом Никодимом (Ротовым), и он очень усердно приглашал меня поступать в семинарию. В это же самое время в Ярославле митрополит Иоанн (Вендланд) предлагал нам с Александром Михайловичем Копиловским рукополагаться. Для нас было очень «горячо» и то, и другое. Я поехал к о. Иоанну, и о. Иоанн в своей манере «любеобильного дедушки» сказал очень запомнившиеся, очень для меня знаменательные слова: «Откажем митрополиту Иоанну, откажем митрополиту Никодиму». И — «Хотите рукополагаться — очень хорошо, рукополагайтесь. Я Вас буду готовить к священству». Для меня важно было, что он, в общем-то зная и кто такой митрополит Никодим, и кто такой митрополит Иоанн (а они были в каком-то смысле противоположными, но — и тот, и другой — все-таки выдающимися людьми) тем не менее «отказал» и тому, и другому. И это при том, что обычно он очень прислушивался к чужому мнению — не случайно он прежде присоединился к о. Всеволоду. Уверен, что если бы я пришел к нему с тем же вопросом об аспирантуре, с теми же сомнениями, но сказал, что о. Всеволод, как один из двух моих духовников, не благословляет этого, он бы тоже

не благословил. Видимо, он не доверял «системе» и, считая, что церкви нужны священники, саму церковную «систему», скорей всего, оценивал весьма критически. И поэтому совсем не хотел, чтобы кто-то поступал в семинарию или в академию. Эта «система» часто стимулировала не лучшие свойства человека и человек под конец забывал, зачем он вообще туда поступил и зачем он вообще получает духовное образование. И вот, несколько лет о. Иоанн готовил меня к священству, давал мне книжки, конспекты. Правда, они мне показались очень скучными, ужасно устаревшими, я их читал с некоторым трудом. Но то, что он говорил сам, было очень хорошо. Это и было для меня подготовкой к священству, так же как некоторые беседы о. Всеволода Шпиллера и о. Виталия Борового. Так что он сыграл большую роль в моей подготовке к рукоположению и в моем будущем служении.

Я всегда старался ориентироваться на его свойство любвеобильности ко всем и в то же время смелости, и мудрости, открытости, на его проповеднический дар. Он был хорошим проповедником. На Успение он проповедовал сколько мог. Говорил очень хорошо, очень горячо. Мы ездили слушать его проповеди, записывали их на пленку, и, кажется, помогали в редактировании одной из них — «Опыт построения исповеди по заповедям блаженства».

В том, что произошло с о. Иоанном позже, когда, если верить архим. Тихону (Шевкунову), он выступил против нашего движения, я не узнаю о. Иоанна и поэтому не верю Шевкунову. Или он неправильно передает слова о. Иоанна, или о. Иоанну дело было представлено совершенно неадекватно. И он отреагировал «на другое». А может быть, было и то, и другое.

О. Иоанн был человеком, для которого жизнь была служением — любые формы жизни, куда бы его ни ставили в монастыре. Его притесняли сильно, но он и к этому относился как к возможности укрепиться в служении.

Когда «ай!» и «болит!», за утешением надо обращаться к любвеобильному дедушке, у которого действительно золотое сердце. Теперь, после его кончины, можно уже определенно говорить, что это было сердце прекрасное, именно сострадательное. Его иногда подводил недостаток образования, но в плане душевной, духовной теплоты и доброты он, несомненно, поражал. Поэтому я всех своих четырех учителей — о. Тавриона (Батозского), о. Иоанна (Крестьянкина), о. Всеволода Шпиллера, о. Виталия Борового, хотя они абсолютно разные люди, каждый со своими плюсами и минусами — считаю людьми праведными и даже святыми.

свят. Георгий Кочетков

ЦЕРКОВНЫЙ «ДОКТОР АЙБОЛИТ»

Именно так в 70-е годы многие прихожане московских храмов, знавшие о. Иоанна Крестьянкина, называли его в разговорах между собой. А по телефонам, для конспирации, — «крестьянский сын». Уже тогда он казался старым, хотя и веселым, и добрым, и легким в общении. Кто мог себе представить, что он доживет до 95, — а ему предстояло жить еще больше 30 лет...

Он был одним из живых «столпов» Русской православной церкви, и в то время, и позже. Потому что даже простое упоминание о нем в разговоре умирало, просветляло атмосферу, вызывало радостную улыбку. К нему, действительно «доктору» для души и духа, а то и тела, ездили сотни людей. И, при острой необходимости, несмотря на все преграды, почему-то всегда до него добивались, говорили с ним, хотя он бегал, в самом прямом смысле, очень быстро. Его скромность была естественна как воздух. Молодому иподьякону, который собственноручно сшил для него митру, о. Иоанн смущенно сказал: «Слишком роскошная для меня...». Когда эта же митра была предложена его «коллегам» — другим печерским архимандритам, реакция оказалась противоположной: «Простовата».

Свои советы и разъяснения о. Иоанн давал просто, без «мистики», но результаты иногда заставляли буквально столбенеть. Это касалось как мелочей (например, как будто из воздуха в пустынных зимних Печерах после беседы с ним появлялась машина и безропотно и бесплатно отвозила на вокзал), так и весьма серьезных дел. Мне он, как бы шутя, предсказал третье высшее образование (тогда у меня было, что называется, «пол-второго»), и даже то, что именно оно станет первым.

Но сейчас, сразу после его кончины, хочется вспомнить не только и даже не столько об этом. Таких свидетельств будут, наверное, тысячи. В качестве эпиграфа мне лично хотелось бы сказать более всего о том, что он избегал не только ложной значительности, важности, но и всякой стилизации, в т.ч. духовной. Не забудется его, невероятная при современной «старцемании», фраза: «Прозорливых людей нет, есть духовно опытные». Не забудется и то, как он, уже тяжело больной, находящийся в глубокой старости человек, не побоялся преградить дорогу истерии с ИНН, — вопреки тем, кто хотел его использовать для обратного. Причем сделал это, как написал по другому поводу один писатель, «мягко, но твердо», а главное, — точно и исчерпывающе. Да, еще одно «солнышко» закатилось.

Слава Богу за его жизнь, за его служение, за след настоящего, живого христианства во многих умах и сердцах.

Александр Копировский

ОН ТАК ЛЮБИЛ СЛОВА МАТЕРИ МАРИИ: «ХРИСТИАНСТВО ИЛИ ОГОНЬ, ИЛИ ЕГО НЕТ»

9 февраля исполнился год со дня кончины протоиерея Сергия Гаккеля

Доктор философии, протоиерей Сергей Алексеевич Гаккель родился 24 августа 1931 года в Берлине, в семье русских эмигрантов. В 1940 году переехал с матерью в Великобританию. В 1952 году окончил Оксфордский университет. В 1958 году рукоположен в диаконы, а в 1965 году в пресвитеры архиепископом Суражским Антонием (Блумом). О. Сергей был первым священником, которого рукоположил митрополит Антоний. Он долгие годы провел рядом с владыкой, был членом епархиального совета Суражской епархии. Протоиерей Сергей Гаккель служил настоятелем прихода Рождества Христова в г. Льюис (графство Сассекс, Юг Англии). Он принимал участие в Поместном Соборе Русской Православной Церкви (МП) в 1971 г.

Прот. Сергей преподавал русскую литературу в Сассекском университете. Его диссертация была посвящена поэме А. Блока «Двенадцать». Он проработал более 20 лет ведущим и редактором религиозной программы «Воскресение» на русской службе Би-би-Си. Талантливый писатель и переводчик. Его перу принадлежит первая и пока наиболее полная книга о преподобномученице Марии Парижской (Скобцовой). Материалы о жизни и подвиге матери Марии он стал собирать сразу после окончания Второй мировой войны. О. Сергей был одним из инициаторов канонизации матери Марии и ее сподвижников, состоявшейся 1 мая 2004 года.

Он переводил на английский язык русскую духовную литературу, в частности труд свт. Феофана Затворника «Что такое духовная жизнь и как на нее настроиться» и некоторые произведения Ф. М. Достоевского.

Многие христиане в России помнят и любят его яркие радиопередачи. Эти программы еще в советские годы были настоящей духовной поддержкой для верующих, а в годы относительной свободы — вдохновением для всех, кто верит, что христианство это не просто благочестивый обычай, а сила, способная изменить мир. Сам о. Сергей был человеком неравнодушным к истине и всячески ее защищал, он буквально пламенел верой. Не случайно он так любил слова матери Марии: «Христианство или огонь, или его нет».

О. Сергей Гаккель принимал активное участие в экуменической деятельности. Был редактором журнала православно-англиканского содружества свв. Сергия и Албания «Sobornost», членом Британского и Всемирного советов Церквей. Он также принимал участие в диалоге между православными и иудеями. В этом контексте он выступал, в частности, за редактуру некоторых богослужебных текстов Страстной Седмицы. Был активным и постоянным членом инициативных групп Британского союза иудеев и христиан.

Около 10 лет назад его попросили возглавить благотворительное общество святого Григория Чудотворца еп. Неокесарийского, созданное для помощи России.

Отец Сергей был знатоком иконописи, авангардной живописи, любил джаз и хорошо знал его историю. Он был дружен с великим английским композитором Бенджаменом Бриттеном и в какой-то момент помог ему разобраться в литургическом песнопении, которое Бриттен должен был ввести в одно из своих произведений.

В концертных залах Англии до сих пор звучит «Реквием» Анны Ахматовой, который отец Сергей по просьбе знаменитого композитора Джона Тавенера перевел на английский язык.

О. Сергей скончался 9 февраля 2005 года, в день памяти священикомученика Димитрия Клепинина, соратника матери Марии, причисленного к лику святых вместе с ней. В ночь перед инфарктом он записал в студии несколько интервью — в том числе о взаимоотношениях РПЦ и государства и о российской церковной интеллигенции. Он также в последний раз прочитал для русских слушателей стихи на евангельскую тему — о Крещении Господнем.

Александр Буров

СВЕТСКИЕ УЧЕНЫЕ ВСЕ ЧАЩЕ ГОВОРЯТ ПО-НАСТОЯЩЕМУ ЦЕРКОВНО

Мы продолжаем публикацию впечатлений участников Рождественских чтений 2006 г. Сегодня это отклик участника секции (конференции) «Церковное искусство» преподавателя Свято-Филаретовского института, специалиста по церковной археологии А.М. Копировского

1 и 2 февраля 2006 г. в рамках Рождественских чтений работала секция «Церковное искусство». На ней было человек 80, что для такой секции много, обычно бывает меньше. Председательствовал еп. Саратовский и Вольский Лонгин, сопредседателями были зав. кафедрой церковного искусства Российского православного университета св. ап. Иоанна Богослова, профессор, докт. иск. М.Н. Соколов, преподаватель Библиейско-богословского института св. ап. Андрея, канд. культурол. И.К. Языкова и автор этих строк.

Работа секции проходила в Троицком подворье (недалеко от м. «Цветной бульвар»), где много лет пребывал свт. Филарет Московский.

Еп. Лонгин произнес вступительное слово, в котором, в частности, отметил следующее: «Мы призваны не к противоборству с творческой интеллигенцией и художественной элитой, а к плодотворному соработничеству в деле возрождения нашей культуры и России, к тому, чтобы пробудить интерес к прекрасному, отвлечь молодежь от губительного влияния современных веяний, напомнить современникам, что «Христос есть лоза, а мы — ветви, кто пребывает в Нем, тот приносит много плода» (Ин 15:5).

Затем был доклад проф. М.Н. Соколова, о том, что иконе «трудно» жить рядом с современным искусством, которым сейчас чаще всего любуются вместо того, чтобы задуматься о его безобразии.

После него выступили известные искусствоведы — канд. иск. А.М. Лидов и докт. иск. И.Л. Бусева-Давыдова. Главной мыслью А.М. Лидова было то, что византийская икона не раскрашенная прорись, как представляется многим сейчас, а пространственный образ. Иначе говоря, это художественное произведение, требующее свободы, а не подчинения образцу (позже эту тему продолжила И.К. Языкова). И.Л. Бусева-Давыдова подчеркнула, что иконописные образцы изначально не имели не только догматического, но и канонического значения, а иконописцам времен Вселенских соборов не предписывалось практически ничего, кроме внимания и старания. Мой доклад был посвящен обмирщению церковного искусства. Мне хотелось показать, что процесс обмирщения происходит не только и не столько от заимствования церковным искусством светских форм. Причина, прежде всего, в формальном отношении внутри самого церковного искусства к канону. А еще в попытках встроить западные элементы в каноническую систему без их творческой переработки, хотя удачные попытки такой переработки известны. В общем, все искусствоведы, не сговариваясь, дудели в одну дуду.

После нас выступали священники и церковнослужители, которые, наоборот, часто повторяли избитые словесные формулы, например об «иллюзионизме» послесредневековой живописи (давно известно, что это миф, ситуация значительно сложнее и интереснее). Также не раз звучал противоречивый тезис о «духовности канона», который «воспитывает личность» и т.п. Один из священников всерьез развивал мысль, что старообрядческие по происхождению меценаты, вроде Саввы Морозова, скупали произведения постимпрессионистов и авангардных художников лишь потому, что видели сходство их образного строя и чуть ли не содержания с иконой. На самом деле ситуация и здесь была обратной: сходство это чисто внешнее, на уровне отдельных художественных приемов. Анри Матисс действительно призывал западных художников учиться на примерах русской иконописи, но ее духовное содержание его абсолютно не интересовало.

«Спас Нерукотворный». Из росписей храма преп. Серафима Саровского (Даллас). Иконописец Владимир Григоренко

Доклады «практиков» (иконописцев и преподавателей церковного искусства), напротив, часто были очень живыми и интересными. Например, руководитель московской иконописной мастерской Е. Ильинская рассказала, что современные ученики иконописцев, как правило, высоко ценят свои работы, даже самые начальные, но о кротости и смирении понятия имеют мало. И если дать им задание «на смирение» (типичное, которое раньше давалось каждому, в т.ч. и самой Е. Ильинской, — счистить (!) свою первую икону), то «все разбегутся». Так же, как и искусствоведы, она жаловалась на превращение иконописи в копирование образцов, вместо того чтобы быть живописным искусством. По ее мнению, если из группы в 15 человек иконописцами становятся 1 — 2, то «это хороший результат». Молодая преподавательница из Екатеринбурга вообще не считает возможным обучать иконописи учащихся воскресной школы ни в младших, ни в старших группах, во избежание профанации. Она только рассказывает о ней и водит детей в мастерские иконописцев и реставраторов (обычно же дети «рисуют» иконы почти везде).

Преподаватель из Российского православного университета напомнил, что иконописец, в нормальном случае, должен быть не моложе 35-40 лет, учиться от 5 до 10 лет, столько же практиковаться, и только потом начинать писать иконы. Он вспомнил академическую систему преподавания, ее полезность. Хотя ее ругают те, кто в ней воспитывался, в т.ч. архим. Зинон, но кто вырос вне ее — часто беспомощны. Он также призвал следовать системе знаменитого преподавателя дореволюционной Академии Художеств П. Чистякова, у которого учились многие знаменитые русские художники вт. пол. XIX в. Главное в ней (как и в театральной системе Станиславского) — жить жизнью образа. Поэтому писать иконы нужно не на плоскости, а в воображаемом пространстве. И для этого образ прежде воплощения должен стать внутренне зримым для художника.

Итак, искусствоведы и «практики» тяготеют к одним ценностям, «идеологи» — к другим. При этом создается впечатление, что многие батюшки, занимающиеся прямолинейной апологетикой, изо всех сил стараются походить на светских ученых. А вот светские ученые, по замечанию одного из видных участников конференции, «все чаще говорят по-настоящему церковно».

Александр Копировский

Дорогие читатели!

Подписаться на газету «Кифа» можно в редакции.
Тел. для справок 8-916-114-67-37 (Ольга Орлова)

Нашу газету можно приобрести:
В Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении СФИ — ул. Покровка, д.29, оф.38); в центре религиозной литературы ВГБИЛ им. Рудомин (ул.

Николаямская, д.6); в книжном киоске первого гумфака МГУ; **в Санкт-Петербурге:** в магазине «Слово» (ул. Малая Конюшенная, 9); **в Париже:** в магазине «YMCA-Press».

Телефоны распространителей:
Москва: (095) 314-2596 (Александра Ошарина), 131-4769 (Ольга Филиппова), 210-7006 (Ольга Орлова), 158-9116 (Валерия Волкова), 342-6306 (Марина Чиркова)

Санкт-Петербург: 8-921-755-9926 (Анастасия Наконечная); **Тверь:** 8-082-250-2308 (Олег Ермолаев); **Архангельск:** 8-921-299-4978 (Андрей Подоров); **Северодвинск:** 8-921-299-7687 (Нина Портнова)

Редакторы:
Александр Буров (СПб)
Александра Колымагина (Москва)

Над номером работали:
Владимир Лидский
Дмитрий Матвеев
Виктор Котт

Иллюстратор: Татьяна Аразян
Дизайн: Андрей Мареев
Верстка: Татьяна Тыртыш
Анна Лепехина

Тел./факс: (095) 923-03-80
e-mail: kifa@list.ru
Тираж 1000 экз.

Издание зарегистрировано в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ №77-14924 от 26 марта 2003 г.